

ГЛАВА
КАПИТОН

ЧАСТЬ 3

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА
9 АПРЕЛЯ 2008

КВАРТИРА МОНАСТЫРСКОГО
НА УЛИЦЕ КОРОЛЕВА

ВАДИМ ЗАХАРОВ
ЮРИЙ ЛЕЙДЕРМАН
АНДРЕЙ МОНАСТЫРСКИЙ

НИКОЛАЙ ПАНИТКОВ

ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТЫ ВАДИМА ЗАХАРОВА

Захаров К нашей третьей встрече я подготовил работу, которую мне лично опять сложно объяснить. Я хотел начать с некой акции, имеющей начало и не имеющей конца. Предполагалось, что я тебе позвоню и ты выйдешь на балкон и увидишь в твой военный бинокль, как я копаю золотым призом с рукой (держащей карты) ямку, потом сажаю туда нечто, закапываю, поливаю.

Лейдерман Так надо было это сделать.

Захаров В рамках наших встреч, это ничего не меняет.

Монастырский А чем бы ты поливал?

Захаров Я принес минеральную воду... Карточный приз я взял у Арсения Мещерякова (он, кстати, блестящий игрок в покер) и решил использовать именно этот образ, такой странный для меня, – я не игрок по натуре.

Арсений отдал мне его, чтобы я смог что-то с ним сделать. Моя идея была сформулирована неясно – предполагалось, что я сделаю нечто узнаваемое по форме, но по сути достаточно удаленное от знакомых границ. Еще важный элемент – растянутость во времени. Я бы хотел, чтобы Андрей в течение двух месяцев поливал это место и чтобы на этом месте все-таки что-то выросло.

Монастырский Я боюсь брать на себя ответственность за поливку.

Захаров Ты выгуливаешь собаку, можешь минеральной воды брызгнуть туда, и этого, думаю, достаточно. Мне важно, чтобы ты участвовал в выражении этой работы, поливал хотя бы раз в неделю... Мне опять хотелось отойти от принятых установок, формальных, концептуальных, построить вещь в жанрово странной, плавающей форме, имеющей начало и не имеющей конца. Акцией это тоже сложно назвать.

Монастырский Нет, это акция, я считаю.

Захаров У акции есть предполагаемый конец. Здесь это все зависит в непонятном пространстве. Ты можешь поливать или не поливать, вырастет морковь или не вырастет; если вырастет, я хотел бы из нее сделать салат или что-то еще. Если не вырастет – тоже ничего не произойдет. Такую работу можно комментировать, но только сегодня. Завтра у работы может быть другой контекст. Здесь сложно зацепиться и удерживаться в одном положении.

Монастырский Юра, что ты можешь сказать?

Лейдерман Действительно, зацепиться трудно, потому что (возможно, это и самое интересное) она содержит две составляющие. С одной стороны – высаживание семян, с другой – объект, редимейд. Они действительно друг к другу никак не относятся. Конечно, мы привыкли к вещам, которые

друг к другу никак не относятся, и всегда готовы шизоаналитически какую-то связь там обнаружить. Но тут, кажется, ее обнаружить невозможно. Этот объект, эти карты... Причем, объект такой блестящий, что у меня сразу возникли ассоциации с католическим реликварием. Они иногда так оформляются – с крестящей рукой наверху. Такой разрыв мне нравится. Однако меня гложет другое – чудовищная амортизированность всего, что мы делаем. Сам факт “делания работы” – объекта, перформанса, редимейда – уже настолько коррумпирован, настолько замылен в слоях системы, что из него тяжело выпрыгнуть. Я думаю, у Вадика и у меня присутствует подсознательная иллюзия, что за счет странности такого непонятного и разорванного объекта мы можем вырваться. Но этого не происходит. Да, вещь считывается как “странный”, но она все равно остается “работой”. Монастырский Я могу сказать две вещи. Это правильная работа. В свете чего? Если человек при жизни не достиг нирваны или не обожился, то к старости он становится жалким существом. У него нет сил, потому что силы в старости, в конце жизни, когда уходят природные силы, можно черпать только из духовных областей, сфер... Только духовные силы могут быть, и если их нет, то никакая морковь не поможет.

Лейдерман Так в старости они и появляются.

Монастырский Силы?

Лейдерман Конечно.

Монастырский На моем примере (и Панитков тоже все время жалуется) как раз наоборот, силы полностью уходят, сил нет. Это первое. А второе то, что я считаю, что высший уровень – это композиторы, у нас в Москве это Загний и Мартынов, второй уровень – поэты, и третий уровень – их больше всего – художники, к которым мы принадлежим. Они более грубые, чем композиторы и поэты.

Лейдерман Я бы хотел верить, что мы принадлежим к поэтам.

Захаров Андрей опять ушел от непосредственного комментария работы.

Монастырский Нет, я сказал про морковь.

Панитков А что морковь-то? Я прослушал.

Монастырский Никакая морковь не поможет, если ты при жизни не обожился или не достиг нирваны. Всегда будет чего-то не хватать.

Захаров Вы забываете, что морковь может вырасти, а может и не вырасти, да и не в этом суть.

Монастырский Вот если бы у меня под окном было пусто и ты бы позволил и так бы и сделал, как планировал, то было бы прекрасно.

Захаров Во-первых, я так и сделаю. Во-вторых, мне сегодня нравится, что я так легко отказываюсь от заранее запланированного, но это тоже является частью работы.

Монастырский Как ты сделаешь, если дети там все время бьют мячом?

Захаров Ну, я вечером пойду и сделаю.

Монастырский А как сфотографировать?

Захаров Юра меня снимет.

Лейдерман Мы говорим о моркови или о фотографии?

Захаров Или мы говорим о работе?

Монастырский А это единый комплекс. И нирвана, и обожение, и морковь, и фотография. И мальчишки, которые играют в мяч. Все одно и то же.

Лейдерман Мы сами себя загнали в этот единый комплекс. Нам кажется, что работа, ее фотографирование (чтобы осталась в архиве, в системе, в истории) и некое духовное ожидание – одно и то же. Поэтому у нас нет ни того, ни другого, ни третьего. Желание “работы” подавляет нас. Если обречь эти связи, может, что-то бы и просветлело.

Монастырский А что обрезать?

Лейдерман Пусть это будет, скажем, не работа, но просто некое самоудовлетворение, или ритуальная деятельность, которая не подразумевает никакую фактографию. Вещи, которые делаются просто для себя – даже не ступеньки на пути куда-то, а просто – захотелось и сделал.

Монастырский А чем это не укладывается в этот ряд? Потому что она преподносится как работа, да?

Лейдерман Причем преподносится не Вадиком, а на ней изначально висит: “Работу я сделал, я придумал!”, “Вы знаете, а это работа. Не такая, как другая!” Все наши обсуждения строятся на теме сходства, потому что ничего другого мы не можем придумать. “Эта работа хоть и похожа на ту, но знаете ли, она другая”.

Захаров Юрочка, ты забываешь, начальным импульсом наших встреч было то, что мы решили собираться здесь вместе и обсуждать специально сделанные нами к встрече работы. Мы решили, что началом наших обсуждений должны быть именно не традиционные разговоры-диалоги, а конкретные работы. Сейчас, собственно, только третья встреча, продолжающая эту линию.

Лейдерман Я мечтаю о другом статусе работы, в которой не будет этого работанья, заданного системой современного искусства.

Захаров Я прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду. И мы постепенно от этого уходим. Нам нужно чуть больше времени, чтобы скорректировать ситуацию.

Лейдерман Извини меня, но в современном искусстве уже высаживали разные семена сотни раз.

Захаров Здесь дело совершенно не в высаживании.

Монастырский А в чем – в лопате этой особенной?

Захаров В плавающей нарративности. У нее нет даже названия. Работа не предполагает жесткой структуры...

Панитков Мне кажется, предполагает. И очень жесткую, идеологическую. Если данную работу интерпретировать, здесь очень важен этот символ. Что такое этот объект? Такой образ порока. Игра в карты – порок. Напрашивается сразу очень жесткая конструкция-интерпретация этой работы. Какие здесь есть элементы? Морковь, которая вырастет или не вырастет. И порок, который это делает. Что это значит? Приблизительно следующее: порочная власть, которая пришла сегодня в Россию, пытается посадить морковь, а вырастет из нее что-нибудь или нет, уже другое дело. Так что она вполне традиционная – как жест, высказывание. Неопределенности, ничего плавающего я тут не вижу. Все очень жестко.

Монастырский Где ты видишь здесь власть?

Панитков Поднятая рука с картами – это порочная власть.

Монастырский Может, это судьба.

Захаров Все это очень правильно. Но я с самого начала избегал каких-либо метафор. Естественно, это очень мощная метафора. Но вы опять идете традиционным путем, анализируя детали работы, накидывая на нее, как обычно, интерпретационные сетки. Но суть была во всем комплексе этой работы.

Панитков Проблема в том, что мы в таком пространстве находимся: что ни возьмешь – обязательно влипнешь куда-нибудь.

Захаров Естественно. Но здесь попытка пробежаться быстро, в одно касание, по интерпретационным зонам. При этом направление, выбор зон, конечный пункт не указаны. Все метафоры зависают только на время одного касания, а дальше неопределенность статуса работы превращает эти метафоры в набор туриста, идущего куда-то без цели.

Панитков Символ или не символ, мощный или нет – не знаю. А какие тут интерпретации? Морковь вырастет, или не вырастет. Здесь нет полисемантического поля. Как знак, символ, эта работа создает очень определенный вектор – это карты. Карты – это цыгане, порок, игорные дома, которых множество пооткрывали в Москве. Поднятая рука, золотой цвет – это все символы порочной власти. Она сажает морковь. Власть хочет сделать что-то хорошее. Мы влипаем и не можем вылезти из этого пространства.

Монастырский Нет, почему?! Частью работы Вадика является земля.

Правильно? Это элемент. Но земля оказалась занята. Занятая земля. Мы ждем, когда земля освободится. И тогда работа состоится.

Лейдерман Да, мы все время говорим, что ждем, когда появится даль.

Даль земли, пустое пространство земли. Но оно не появится уже никогда в том виде, в каком мы к нему привыкли.

Монастырский Это мы не знаем. Дело в том, что мы всегда имеем дело со временем.

Лейдерман Объекты уже никогда не станут такими прекрасными странными вещами, какими они были в 70-е годы на Киевогорском поле, сколь бы еще более странными мы ни пытались их делать сейчас. И поле Киевогорское не станет опять пустым открытым полем, что бы мы сейчас на нем ни делали.

Монастырский А зачем так прилипать к тому, что прошло. Ведь, на самом деле, время... шло через нас, когда мы были молоды... у нас органы нормально все работали и психика, психосоматика, через нас шел некий поток времени и все это делал – Киевогорское поле и т.д. Потом это время сместилось и идет через что-то другое.

Лейдерман Значит, нужно обнаружить новый поток времени.

Монастырский А зачем нам его обнаруживать? Может, это принцип потока времени, идущего через нас, именно то, что превращает нас в жалкие существа.

Лейдерман Нет. Это как раз то, что нас обдувает и превращает в свободные существа.

Монастырский Да, можно и так посмотреть. А потом-то все равно время нас выбрасывает в немощь, в старость.

Лейдерман Нет, в странствие в бесконечность. Немощь – это прекрасное мистическое приключение. Вот молодой человек поднимается на гору. Это прекрасно, но идти ведь тяжело – ноги болят, руки болят, спина. Однако это великолепное приключение. А почему старческая ломота в спине не может быть таким же приключением?

Захаров Я лично не видел никакого приключения, когда лет десять назад полз в туалет минут пятнадцать, плача от боли, когда у меня были проблемы со спиной. Да и мои последние походы в больницу к умирающему отцу только усилили мой ужас перед немощью и властью чужих людей над твоим телом. Это Ад – старость – приближение к нему на физическом уровне.

Монастырский Конечно, Юра, ты романтизируешь. Но это нормально.

Я в твоем возрасте так же говорил.

Лейдерман Я чувствую, что старею, слабею. Естественно. Но я в этом ничего чудовищного не вижу.

Монастырский Ты не в том возрасте. Это начинается после пятидесяти.

Лейдерман Резюме. Здесь есть интересный момент – полный разрыв между объектом и действием. И в отличие от Коли, я в этом объекте вижу не порок, но абсолютное сияние, сверкание, полноту свойств. Важно, что эти карты – четыре тузза [ошибка: это были четыре других карты, см. в конце беседы], четыре стихии вместе. Хотя это никак не связано с предла-

гаемым использованием объекта. Но с другой стороны, эта несвязанность все равно подчинена работе, деланию произведения современного искусства. И даже понимая всю бессмысленность этого, равно как глупость и бессмысленность наших интерпретаций, мы продолжаем о том же – про власть, занятые поля, шумных детей под окнами...

ПРОСМОТР И ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТЫ АНДРЕЯ МОНАСТЫРСКОГО

Монастырский Теперь моя работа. Это фильм.

Панитков Что ты нам хочешь навязать? Признайся! Детективную историю?

Монастырский Нет.

Включает звук. Крики: “Кто стрелял?” “С крыши палят, козлы!”

Монастырский Попал в живот ему.

Панитков Сделай потише, Андрей. Громко невозможно.

Монастырский Смотри, ему в ухо попали!

“Бей!”... “Все попутали – черти!”... “Уходим!”

Лейдерман Это враги. Что же они не стреляют друг в друга? Третья сила стреляет?

Монастырский Да, в них начала стрелять с крыши третья сила.

Панитков Это все обман. При внутренних разборках все трупы бандиты убирают сами, ничего не оставляя милиции.

“Чекисты “кабана” побили... Тебя это не касается”

Лейдерман А это его настоящий батя?

Монастырский Да. Батя этот все хочет его в сумасшедший дом в Швейцарию.

Он уже там лежал. Он психически больной.

Панитков Пааноик что ли?

Монастырский И этот больной.

Лейдерман Нет, этот самый крутой.

Хрипы...

Монастырский Он вешался, у него на шее след. Его вынули из петли.
Панитков Это уже седьмая серия. Он все семь видел.
Монастырский Это его сестра. А это странный человек на диване лежит.
Панитков Да... Твоя работа, я думаю, самая лучшая! Совершенно непонятное пространство. Седьмая серия, и не понятно, что это такое. Потом, это к нам не относится. Это тоже как-то странно.
Лейдерман Относится.
Панитков Ну, по аналогии только, в книжках. А реально?
Лейдерман Мы же смотрим и не смущаемся, понимаем, что это бандюки. Нас не шокирует, что они стреляют друг в друга. Мотивация понятна нам, так же, как и любому зрителю.
Панитков А у бандитов какая мотивация? Я, например, не знаю.
Монастырский Нажива!
Лейдерман По фильмам, у них просто мотивация, что они бандиты.
Панитков Про наживу пока речи нет.
Монастырский Батя запретил ему приставать к своей дочери, грозясь оторвать голову.
Панитков Сейчас будет происходить отрыв головы?

“Слышишь воет?... Тебя это тоже касается...”

Монастырский Кличка бати – бутафор. Он очень любит театр, наизусть пьесы знает, Шекспира.
Лейдерман Это работа Андрея. Андрей взял профессиональную камеру и, видишь, что наснимал.
Монастырский Он хочет бежать...
Панитков Может, он в деревню хочет бежать, заняться сельским хозяйством, сажать морковь.
Лейдерман Обстановка мерзотнейшая, как во всяком российском сериале.
Монастырский А какой ты хочешь, Юра, интерьер у бандитов? Это бандиты.
Панитков Ты был хоть раз у бандитов?
Монастырский Я их и близко не видел.

Лейдерман Вы говорили, Андрей, о поэтах, художниках и “высших” – композиторах... Видите, тут поэты, они все в черном.
Монастырский Да. А это главный поэт, Шекспир.
Лейдерман Или Холин.
Монастырский Да, Холин.

Монастырский Ему видеоарт подсунули.
Лейдерман Странно, что видеокассеты в формате VHS.
Панитков Это старое кино, 90-е годы.
Монастырский Какой кадр! Микеланджело Антониони просто...
Панитков Я понял твою работу, Андрей. Чем глупее, тем лучше. У тебя всегда такая установка. Правильно?
Монастырский Не обязательно.
Панитков Я так интерпретирую твою работу. Ты нас пичкаешь специально какой-то дрянью. Поскольку ты не можешь большую работу сделать, у тебя установка такая - как можно тупее...
Монастырский Чтобы сделать работу как можно хуже.

Захаров Этот фильм ты выбрал специально, или на его месте мог быть любой другой?

Монастырский Специально.

Панитков Он уже семь серий посмотрел.

Захаров Или ты просто не мог пропустить очередную серию?

Монастырский Мог. На самом деле мне это не нравится.

Захаров А почему выбор пал именно на этот фильм? У тебя 230 каналов.

Панитков Динамика.

Захаров Прокомментируй свою работу.

Монастырский Мне показались персонажи архаичными – эти бандиты.

Захаров Как мы, что ли?

Монастырский Нет. Символизма никакого нет.

Панитков Бандиты как бандиты. Единственно, рожи не намозолившие.

Лейдерман Они не такие уж и архаичные.

Захаров И все-таки – почему ты выбрал именно этот фильм и почему это стало работой?

Монастырский Потому что ясно, как я провожу время. Я просыпаюсь, сажусь за компьютер, проверяю почту и играю непрерывно примерно час... Потом маюсь, куда-то выхожу. А потом, начиная с программы “Такси” до “Осторожно, модерн 2”, то есть с семи до двенадцати каждый вечер, лежу здесь перед телевизором. И это для меня ад чудовищный.

Захаров Ты хочешь поделиться своим адом с нами?

Монастырский Выхода нет. Что делать?

Лейдерман Почему нет выхода? Книжки читать.

Монастырский Книжки я перед сном читаю.

Лейдерман Слушать музыку “высших” композиторов.

Монастырский Я боюсь сейчас слушать музыку, потому что меня

страшно терроризируют звуки отовсюду. И мне страшно от этого. Я веду жизнь жалкого задавленного существа. И это именно серия жалкого существа. Я же все другие серии смотрел.

Захаров При этом у тебя сегодня очень приподнятое настроение. Сегодня ты весел, провокативен, разговорчив. Связь с показом этого фильма?

Монастырский Да. Но эта работа ситуативная. Я хотел показывать только две работы. А эту я придумал перед вашим приходом.

Захаров А те работы ты покажешь потом?

Монастырский Конечно, покажу. Но дело в том, что эта работа немножко связана со второй.

Захаров Те работы нужно смотреть, только посмотрев эту до конца?

Монастырский Нет, отдельно. Там задействованы три сферы: одна работа в области ума, другая в области чувств, а эта – плоти, я считаю.

Захаров Может, их принести?

Монастырский Их нельзя принести. Они приделаны. Их мы посмотрим после Юриной.

Захаров Давай уж лучше сейчас.

Монастырский Ну, хорошо. После этой.

Лейдерман А может во время этой?

Монастырский Нет. Там мне надо прочесть текст. Три минуты текста.

Лейдерман То есть это надо досмотреть?

Монастырский Да. Ну, как пойдет. Может и не досмотрим.

Продолжение фильма.

Монастырский Мне интересно только, что станет с сумасшедшим, с этим сыном...

Панитков Мы варимся в своем кругу и ничего не знаем про этот мир (о контексте фильма). Мир меняется с сумасшедшей скоростью.

Лейдерман Похороны – такая вещь, которая почти не меняется.

Панитков Скоро будут другие похороны.

Монастырский А вот Азов – это главная фигура. Отелло, Чехов и Азов.

Панитков “Вишневый сад”.

Монастырский Это четвертая сила. Или это третья – композитор?

Панитков Есть книжка, ты наверняка книжку прочел.

Монастырский Его задача уничтожить всех. Он в прошлых сериях человек десять уничтожил. А это мир актеров.

Лейдерман Это музыкальный театр.

Монастырский Значит, ближе к композиторам.

Лейдерман Музыка близка театру. И там, и там есть исполнительство.

Монастырский А почему художник-бутафор обожает театр, все время лезет в театр?

Лейдерман Естественно. Потому что мы считаем, что мы всего лишь художники, а нам хочется быть ближе к композиторам.

Захаров Нет, к бутафорам. На самом деле, мы настоящие бутафоры.

Монастырский Правильно.

Лейдерман У меня же был текст “Бутафория и граffомания”.

Монастырский А бомж все время рассказывает некую историю – эпос.

Лейдерман То есть он ее придумывает?

Монастырский Да, это автор. Причем иногда бывает, что он что-то забыл и переигрывает эпизоды... Интересно, что мир композиторов и театралов как бы чистый мир, не бандитский, а художники и поэты – это бандиты.

Лейдерман А вот поэт. Поэты все в черном.

Панитков Ну, все, пускай они посмотрят другие две работы, потому что ты этой пространной, неясной работой сбиваешь...

Монастырский Сейчас автора покажут.

Лейдерман Я, пожалуй, пойду другие работы посмотрю.

Монастырский Подождите, я должен прочесть страничку текста.

Продолжение фильма с комментариями.

Монастырский Поэт с художником столкнулись.

Лейдерман Они оба в черном. То есть художник как поэт. Смерть пре-вращает художника в поэта.

Лейдерман Андрей, может, Вам телевизор выкинуть? Я, наверно, со ста-рением в ладах, потому что у меня телевизора нет.

Монастырский Да, телевизор ужасно психику разрушает. Николай, а ты тоже смотришь каждый день, с какого часа начинаешь?

Панитков Я смотрю, когда ничем не занят. Ни днем не смотрю, ни вече-ром, а иногда с одиннадцати до трех ночи, потому что не могу заснуть.

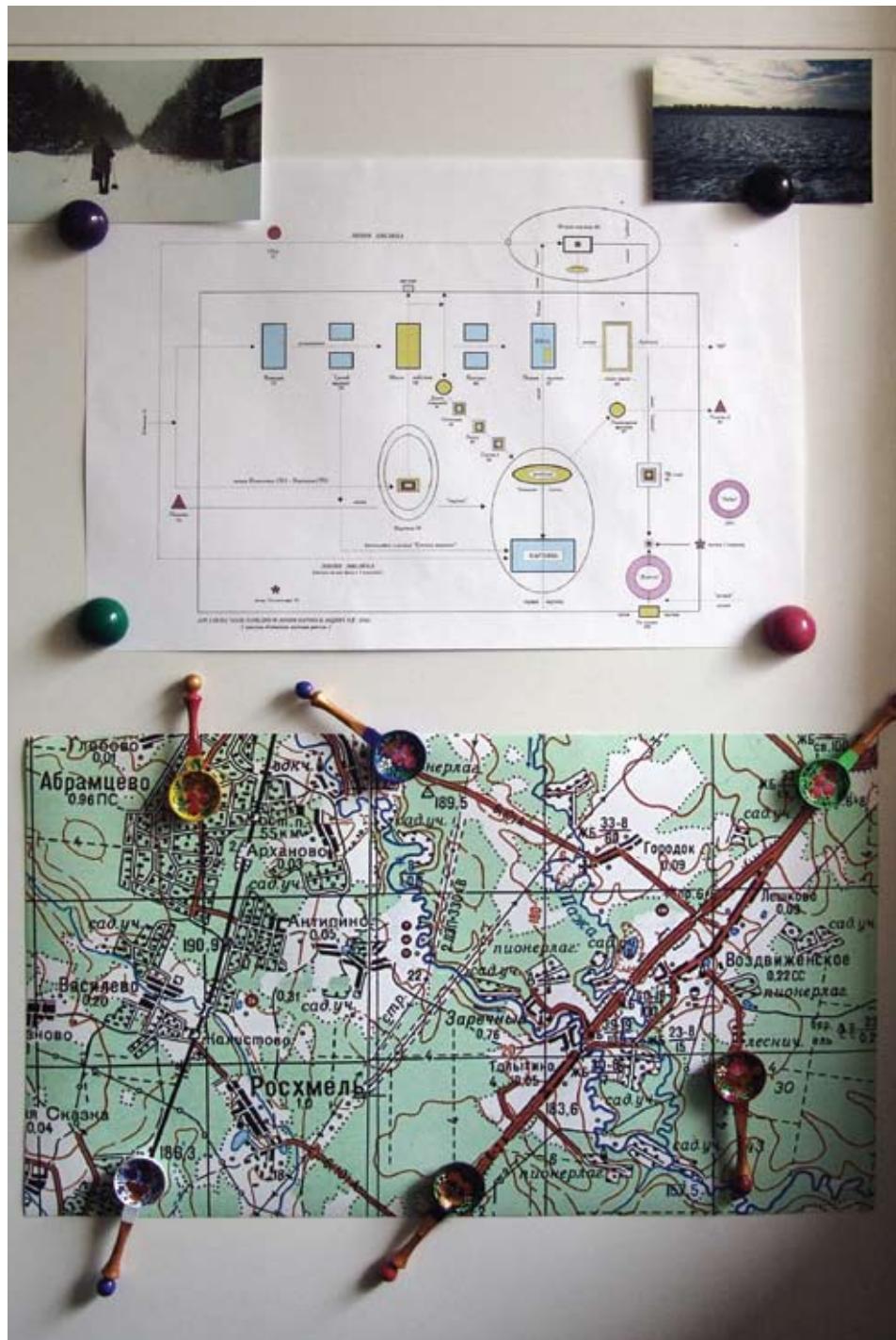
Захаров Юра сказал, что минус наших встреч – это акцент на создании каких-либо работ. Вот, Андрей предложил сейчас конкретный вариант того, что не определяется как работа или акция или ...

Лейдерман Да это вообще ничто.

Монастырский У меня же была работа на выставке “Полет, уход, исчез-новение” – “А. Монастырский. Бертолуччи. ПУИ”, где я использовал чу-жой фильм.

Захаров В наших беседах Андрей проводит последовательную линию.

В прошлый раз он показал Малышкина, сегодня – неизвестного нам автора.

Монастырский Просто это час, изъятый из нашего дискурса о работах.

Лейдерман Нет, мы вяло продолжали наш бессмысленный анализ.

Монастырский Все равно час изъят.

После окончания фильма.

Монастырский Теперь пойдем посмотрим другие две работы. Вот одна работа, а это другая. Текст такой: “Панитков с лопатой идет копать пустоту”. Читает:

Повесил на холодильник схему А3 “Поле комедии и линия картин”, к левому углу схемы прикрепил магнитом фото с 625-520, где НП идет с лопатой вглубь просеки узкоколейки (зима). К правому углу – фото пустого зимнего Киевогорского поля.

Созерцая схему как всякую графическую структуру, в ней можно увидеть и системно-и-цзиновские интерпретационные тенденции, которые напрямую в ней не отражены, но имеют мотивационное значение для некоторых акций КД, тоже не отраженных в этой схеме (например, Ворот, Такси). Шесть основных элементов схемы, которые обозначают ямы в земле, легко складываются в две триграммы и одну гексаграмму – гексаграмма № 37 (домашние), тенденция которой состоит в том, чтобы заниматься исключительно “домашними”, внутренними делами (антимейнстримными).

Интересно рассмотреть триграммы. Первая триграмма, составленная акциями Комедия, Третий вариант и Место действия – ЛИ (сцепление, ясность, огонь). Вторая триграмма (акции Выстрел, Первая картина, Люди вдали) – СУНЬ (утончение, проникновенность, ветер-дерево). Качества первой триграммы – сцепление, ясность, огонь – очень хорошо передают атмосферу акций первого тома.

Вторая триграмма – в результате которой и возникает 37 гексаграмма “Домашние” – передает дискурсивное утончение и проникновенность как основу акций 3, 4 и 5 томов. Видимо, ее текст породил деревья как важный образ сначала в акции “Бочка” (слайды в Лосином острове), а затем и цикл лесных акций 8 тома.

При рассмотрении других акций, не отраженных на схеме, а именно Ворот и Такси (построенных прямо на И цзине), второй триграммой становится не СУНЬ, а КУНЬ (самоотдача, земля). И тогда вместе с первой триграммой ЛИ выстраивается гексаграмма № 36 “Поражение света”, в интерпретации которой присутствует образ придворного советника XI

века до нашей эры Цзи-Цзы, который известен тем, что сознательно ушел от дел и поселился на краю тогдашней империи, в тех землях, на которых затем возникла Корея. Он предпочел полное уединение и жизнь среди людей чужой и менее развитой культуры (что-то вроде “просвещения варваров”).

Скорее всего, воздействием этого текста можно объяснить корейскую тему в акциях “На горе” и “На просвет” (а также мою инсталляцию “Из книги” и “Корейскую версию” дополнения к Поэтическому миру 2001 года). Собственно, я тут и хотел лишь отметить влияние древних текстов на происхождение двух образов КД – дерева (лес) и Кореи. Причем, думается, что триграмма СУНЬ с ветром и деревом все еще действует, что видно по акции Rope с немецкими романтиками, где нам пришлось очень долго пробираться по лесу и самым ярким впечатлением пути был тот участок леса, где деревья были повалены сильнейшим ветром и нам пришлось трудно и долго его обходить.

Кроме того, первоначально на соседнем небольшом поле в рамках этой акции мы хотели установить маленькую фигурку курицы, однако отказались от этого (потом С. Хэнсген установила ее в Йене рядом с домом-музеем немецких романтиков). По древнекитайской традиции домашним животным стихии “Дерево” как раз является курица.

Так же и в самой последней акции Пустое действие именно ветер, раскручивающий треугольный объект, и создал наиболее сильное впечатление от акции.

AM. 19.3.2008.

Вид из космоса на место проведения акции “Rope”. Полоса поваленных деревьев хорошо видна между маленьким полем вверху слева (где хотели установить курицу) и большим полем справа, где проходила акция.

Стихия – Дерево (му). Вкус – кислый. Диаграммы – Шао ян. Домашние животные – курица. Запахи – прогорклый. Измерительные приборы – циркуль. Культурные растения – пшеница. Направления – восток. “Небесные стволы” – I, II. Ноты – цзюе (цзяо). Органы чувств – глаз. Органы-фу (полые) – желчный пузырь. Органы-цзян (полные) – печень. Первопредки – Тайхао. Планеты - Юпитер(Суй син). Погодные влияния - ветер. Помощники первопредка – Гоуман. “Пять устоев” – милосердие (жэнь). Роды живых существ – чешуйчатые (дракон). Сезоны – весна. Секрет – слезы. Триграммы – Сюнь, Чжэнь. Фаза развития – рождение. Цвета – зеленый. Части психики – “высшая душа” (хунь). Числа – 3, 8. Чувства – зрение. Эмоции – гнев (ну).

Вторая работа: “Ложки едут по дорожке”. Такая деревенская работа.

ЛЕЙДЕРМАН Тут замечателен Росхмель, вот это центр!

Монастырский И еще “Сказка”. Это Калистово, где мы в 1983 году делали акцию “Разделение”. Вадик там был. Помнишь, Никиту с катушкой? Здесь 26-я акция. А это 1977 год: мы делали три акции “Фонарь”, “На горе” и “Лозунг 86”. И здесь мы делали акцию “Деревни”, когда поднимали палку с названиями деревень, вырезанных из карты. Пять акций. И это просто магниты в форме ложек, которые придерживают карту. Я их так сделал, что они по дорогам едут.

ЛЕЙДЕРМАН В росхмельном состоянии.

Монастырский Фольклорная вещь. Население в Росхмеле 1000 человек. В Арханово только 30. В Антипино 50 человек.

ЛЕЙДЕРМАН В поселке “Сказка” сорок человек живет.

Монастырский Да. Какая это Сказка? Видишь, тут оборвано. Какая, я не знаю. Так что вот эти две работы на холодильнике. Оригинал карты здесь. Тут было что-то имени Калинина. От него осталось 310 человек.

ЛЕЙДЕРМАН Очень хороший фрагмент – Росхмель, а рядом на карте – “поселок …ая сказка”.

Монастырский То есть это деревенская работа. А здесь сложное умственное построение.

ЛЕЙДЕРМАН Есть тут момент, с которым мы столкнемся и в моей работе. Как заставить слушать текст? Возможно ли это вообще?

Монастырский Давай тогда приступим к твоей работе. Вадик, ты хочешь что-нибудь сказать?

ЗАХАРОВ В твоей работе мне интересно то, что выходит за рамки самой работы. Все, что ты прочел и сделал, мне уже многое напоминает из прошлого. Меня увлек эволюционный момент твоих заклепок. На протяжении последних нескольких лет золотые заклепки стали твоей визитной карточкой. Здесь золотые заклепки превратились в магниты с русскими деревянными ложками. Эта странная метаморфоза говорит о том, что у тебя изменения идут не по основной линии, а по периферийной. Последнее время ты показываешь везде свою маргинально-заклепочную линию, оставляя за рамками публичной презентации “дискурс коллективных действий”.

Это твоя подсознанка, и она стала доминировать.

Монастырский Да, может быть.

ЛЕЙДЕРМАН Другой интересный ход, что эта работа укреплена на холодильнике. Ведь с помощью этих магнитных держалок она могла бы держаться на любой металлической поверхности. Но тогда было бы как раз неважно – на магнитах она держится или, скажем, приклеена. Вряд ли кто-то бы задавался таким вопросом. Но холодильник как раз актуализирует

эти магниты, поскольку такие держалки все лепят обычно на холодильник. Монастырский Лучше на холодильнике. Холодильник – правильное место.

Панитков Андрей, ты совершил прорыв. Эта схема как возврат к 80-м. Лейдерман Коля издается.

Панитков Почему? Это же явно, что у Андрея в конце 70-х были такие многозначительные работы с текстами, И цин. Здесь возврат. А вторая работа – это непосредственная свежесть, никогда ничего подобного не было. Ложки едут по дорожке. Росхмель. Народная, фольклорная работа. “Это прорыв!”.

Лейдерман И особенно в кухне, куда всеходит – и лампочка, и...

Панитков Я считаю, что это новое эстетическое пространство – народных мотивов. Если оно будет продолжено, то будет очень интересно.

Монастырский Я не собираюсь ничего продолжать. Просто вышло – и вышло.

Панитков Я знаю, что он не любит народ и народное не любит.

Монастырский Теперь давайте приступим к Юриной работе.

Лейдерман Мне нужно время для подготовки. И я должен занять одну из комнат.

Чтение Лейдермана из соседней комнаты.

Одесситы разгоняются.

Саня, Саня – бросил пить, ведет коня под узцы –

Бар-кохба и бар-она. Одесситы разгоняются.

Цветы лезут, заслоняют бабушку –

тонкую перегородку, отделяющую мир от виска.

А мончемур, мне сила не молва,

а баракын останусь леха,

хоть все суют мне в лицо историю простого человека, плоское лицо простого человека.

Но Нагарджун, его халат,

и остров-два, заросший тростником –

и возгласы “дом! дом!” , впечатанные там в губу лягушки, в песчаную косу, заросшую тростником.

А мичемур, молва мне не указ,

Уитмен мой стоит прищурясь –

его присяд или его приказ

*неразличимы, впечатаны в далекие острова:
остров и остров-два заросший тростником.
Уитмен мой стоит нахмурясь,
и здесь он Брежневу сродни,
но все равно – это не куриная повесть улиц,
скорее, гиппопотам, с которым должны мы коротать свои
прекрасные дни,
на далеких островах заросших тростником.
А мон че мур, а сикаса молва,
мне даже стулья не помеха –
хоть они упрямко говорят со всех сторон:
“а история человека?!””, “а где же история простого человека?!””.
Так вот, нет никакой “истории человека” –
краина-остров, заросший тростником лишь!
Но серегур в кольчуге нужен царь –
держать все это лето в голове, его обзор.*

– Ты хочешь сказать, в России все было – от нервного до рельефного?
– Да, но только Украина может превратить это в истинную упругость
волны, в катер. Вот, скажем, пресловутая русская рельефность – сколько
уже говорили про нее! – эти маковки, эти бороды! Этот Матвей поро-
тый, что грустно сидит за столом, зажав в кулак бороду. Ведь только
Украина может превратить эти в общем-то добрые детские дела в пос-
ступательную заряженность космоса. Будет собирать ракету, а не каймак.

Да, какая-то особая гадость России, ее волосатость. Вот, скажем,
Горький – неплохой писатель ведь, но есть в его творчестве эта какая волос-
атая гнусность – все эти бабки на пожаре с распущенными волосами,
напоминающие кобылиц, эти матери избиваемые ногами, с распущенными
волосами, этот пролетариат, валяющийся на земле – даже когда он вы-
прямленный и сознательный, дескать, гордо идет к солнцу, все равно волосо-
вато валяющийся на земле.

У Алексея Толстого, хряка кусачего, схожая гнусность была.
Стриженные под горшок, с распущенными волосами. Черт знает что!
Какая-то империя Чжуван-цызы наоборот. Гнилые корни гор.

– Но ведь у гор не может быть гнилых корней!?
– Не может, не может, милок! Однако они говорят, что есть.

Но “Пиряти”, “поринати” – это еще надо заслужить. Еще надо найти, о чем писать, на кого опираться. Писать про Настасью Филипповну, залазить в ее остывающее влагалище – просто неудобно! Мы лучшие ри-
немся к сокровищам в степи.

На подъезде к городу, под вечер, когда спадает марево, когда проезжаешь все эти Великомихайловские, Великодолинские, надо воскликнуть: “Люди, люди, Юрий я!”. Нельзя не крикнуть проезжая Великодолинское. Меня ведь любят разные звери, меня даже любит тот молодой человек из Черновиц, который ныне возглавляет парламент. Так что сокровища в степи – мы их крикнем, мы их воздвигнем, мы используем все возможности. Великодолинское, Великодолинское! Впевненный садик (в степи).

*А мончемур, а минималэ леха,
американец, что стоит нахмурясь,
ракета, что летит через океан,
а кумби-трэси, господа!
Стоит завод, стоит Жарри нахмурясь,
мы ищем оборотышей в степи.*

*Я понял, я понял! мы перелопачиваем, мы – новая республика.
в столе была дырка – это хорошо,
оттуда росли ветви – это замечательно,
потом пошел снег – это тоже было интересно,
снег покрыл весь стол, засыпал ветви, и вот только воглые комочки
снега сжимают наши покрасневшие кулаки – это уже никуда не годится,
надо согревать, надо перелопачивать, помнить о горячей степи –
“новые правила поведения в степи”, – идти, забегать вперед, переставлять ноги великанду.*

*А то ведь, предаем сами себя – сходимся, и начинаем: “что есть
“истина”?!”, “что “на”?!”, “что “ла”?!”, “что “мо”?!” – и расходимся
безумно.*

*И если слышим мы: “Что стоите там у своего дивана?! Хотите в
ажиотисты?!” . Не надо смузгаться, надо цыкнуть зубами – “да! в ажио-
тисты! А вы там что стоите у своего говна, хотите в бисмеркисты?!*
*Не выйдет! Ведь камни есть в степи, украинский милиционер! – передви-
гаем ноги великанду!”*

Вимбо-хамбо, вимбо-хамбо! – и это счастье абсолютное, когда вдруг кто-то сущий так ласково прижимает твою голову к своему плечу.

*Вимбо-хамбо! Сикс фут, севен фут – Александр! Там морей, там за
морей – мы опять должны продумать вопрос о счастье, что значит это
счастье – на далеком острове? под вишневым деревом. Кто он, сущий,
что ласково прижимает нашу голову к своему плечу – мистер бог? мис-
тер деятель? просто бородач?*

Цедить, цедить не надо – фамилию через семью, семью через свой народ, а далее – государство, площадь. Нет, разбежаться, возвыситься на острове. Ти-дом! Это очень просто, надо остаться одному на кукурузном поле, возвыситься, шагнуть пяткой на верхушку стебля, и следующий шаг уже делаешь на остров! Только не надо цедить, не надо ремонтировать! Наши ласковый Христос на острове, он болен всегда – это надо помнить – что же будет, если еще ремонт к нему присоединить?

Нет, никаких цедилок, разбегайтесь короли, разгоняйтесь одеситы – там на острове он ласково прижмет вашу голову к своему плечу.

Мама осленка, она отпихивает осленка назад, она прикрывает его, она не знает, что мы собираемся делать с осленком. Мы сами не знаем еще, что мы собираемся делать с осленком. Музыка для фильма – просто пронзающая музыка для фильма:

*И дуб стоит вверху невозмутимый,
и греет руки, греет кровь.
И дуб стоит вверху нахмурясь,
и вот сказание, земля.*

И Ярослав стоит вверху, нахмурясь. Не бойся ослик, мама здесь твоя. И, кстати, деньги мира – надо помнить: их платят не тебе, они приходят из нухая. Их не платят тебе за работу, они приходят от ее борта.

И Ярослав под молнией стоит.

*Великан, великан, а мончемур посажен леха! –
так президент Ющенко изволил пообщаться с известным украинским певцом, приглашенным к президентскому обеду. Несколько минуток перед обедом. Так президент Ющенко ласково приобнял его несколько раз. А певец несколько раз спел ему свою песенку: про себя и брата своего напротив, и про себя напротив президента, и на холме – о, последнее было самое важное – тютерлька! михайл! про одно и то же сокровище, дважды зарытое с обеих сторон холма. Лучше этого уже может быть только украинский милиционер, который “перевернулся світ”. Сама отринутость государства в государстве, как государство исчезнувшее светлой волной. Как песенка на вершине холма: “А мон чеса, май мальчик! А мон чеса! А гон чи я, а сладкий горизонт!”. Краснощекая мама Марина Украина поет эту песенку на вершине холма.*

Это пакеты любви, это песенка “стоит нахмурясь на холме”, это раздавшийся, раскрепощенный вічний революціонер. Это на карачках любви по степям Украины.

Юрочка, ложись на дно земли, сделай конус рук, нюхай злаки и корабли, теряй голову по полю. Теряй разницу между тем, кто “сказал впервые” – скиф, Черномор, Чацкин.

Я присел, я навалял свое говно поверх говна дочки и жены, пойдем в суховой! – я жене сказал – бери велосипед, отправимся в воронку степей. Ты хочешь отправиться в воронку дешевого производства?” – спросила меня она.

“Да что ты, жена! Никакое оно не дешевое! Этот ребенок не нужен никому, он самый дорогой!”. Степь, говно в степи, “голос америки”, ты с дочкой на велосипедах на горизонте.

Слабеет память, слабеют надкрылия мира, но в поларшине от места погибели друга ты в степи разводишь систему костров.

– жена с дочкой на велосипедах на горизонте.

Ну а если дулинг, что же делать нам с этим постоянным дулинг, коим мир размахивает перед нашими очами? Мы разбежаться хотим, а нам: “мамо, а-ха-ха!”, – и с этакой умешкой гнусной: “бороните! бороните!”. Что же делать подростку еврейскому забитому, этой пташечке, которая так боится, что на углу любом может возникнуть хулиган уличный учитель: “а ну иди сюда! а что, а мамо? а бороните, бороните! ты что же, сука, мать свою забыл!”

Но в мозжечке, сапожках есть мысль об Амазонке, о Днепре, о лей-надливай, о водяном с берегов Днепра.

Так что хочу а бегать боком, мама, как баран. Так скорчившись и бегать боком, пред Киевом иль тростником.

Ну налей нам, вандармят! Винья-ванева – такая вот история, такая жизнь. Но стебли мощные стоят и сбоку, и стебли мощные прогнувшись. Второй полет – прогнувшись. Бросаться в волны, как баран. А на обед, горит обед.

*Картошечка! а бискандар – баран в волнах,
а в брызгах весь! (ногой притопнуть).
а бруни леха, господа!*

*стоит цвяян, стоит свасьян-философ,
все слюни как сознанья моего.*

Недаром же он сделал потом такую странную работу – повесил полотнище украинского флага и нашил на него портретики самых парламентских

гадов – Януковича, Шуфрича, Симоненко. Впрочем, понятно – это как бы извечная и загаженная степь. Но вот над этим, по центру, он приделал крючок для выкрашенного Шлёмы, почти низведенного до плоскости – только поблескивающего своими глазами и (отчасти) щеками. Висит Шлёма, покачивается – тут дело важное, тут и бой и разнобой. Палатка в степи. А дома? Нету дома.

*А теперь он пишет Оксаночку с Океана.
Ты уже спишь, весенний дождь?
Смой ей все клетки, что у нее остались от ученицы, от деревеничины и
детворы, –
чтобы с тобой, Оксана, мы в горенке наверху сидеть вместе могли.*

*Кстати, насчет икон – ты все еще держишь иконы наверху?
Впрочем, хочешь – держи, пусть масло постное разветвляет твою
макушку, мы не будем спорить из-за пустяков.*

*Там, там, Оксаночка, – дома ли ты?
Раз – заход, и петля,
раз – заход, и петля языка-муравья
поперек стульев.
Дома ли ты,
не дома ли ты?*

Московские поэты гуляют в подмужьках быта – электрички, поезда, порушенная Сухарева башня, распространяемое туда-сюда. Нет чтобы просто бросить и сжать край плащаницы, побежать по улице-реке. Нет, им все вывеску-белорыбицу подавай!.

В самом деле, самой лучшей и первой работой-стихотворением было у него вот это:

*“может бросить,
и дать,
прикоснувшись к столбу,
прислонившись пожарному крану?”*

Бросить что? и дать куда? – никаких вывесок, одни провода (и очень вдали корабли). И улица прямая тенистая как бормотон. Эта Одесса была, не Москва!

Мариночка, Мариночка, как поставить тебя? – говорим мы ласково виноградной грозди.

Мы пририсуем тебе ушки, и усы, и черные щелочки на желтых глазах – будешь кошечкой в вечном присутствии мира, – тебе не надо будет больше ездить в город, выходить на улицу после полудня.

Мариночка морская не будет стоять вдоль улиц,

Оксаночка океаническая не будет сидеть с иконами в горенке наверху.

А мери-ляши, мери-ляши! тон-тон-тон! едет поезд румынский, болгарский, испанский. Или, я уж не знаю, исландизация Украины в целях ее полной жсольвернизации, и почерненной испанияции тож.

Не видны уж хвостики – все спиралью закручивается вверх, в четверг, в безыконный чердак. А мон че мур, а мери-ляши!

*И под небом, и под небом,
прыг да скок,
одесситы мы под небом,
и горлянки мы под небом,
и замесы мы под небом –
хоть и лобастые кузнецчики,
и прыг-скок.*

Это жизнь в Одессе – это всегда двадцатилетняя тридцадка.

*Мы – нефигр,
мы – атака-расплата, в ничтожестве пребывающая,
но все-таки есть в нас роскошество лета!*

Я прикладываю ручки к щекам – я теперь курочка, я оперная дива, я пою с балкона Оперного театра, я одесситка!

Зачем пришли мы, мамо?!
Неужели – только чтоб выбрать шелк! Этот шелк?
*С бесшабашностью вороны на ветвях,
Сжимающей кухни в острие.
О, сумка шелковая на ветвях!*

*Ты просто выходишь на балкон и покуриваешь сигарету из-под руки.
Потом, к тебе подходят и говорят: “22-е июня, началась война!”. И что же делать – может, и не началась? Это вопрос вечный, как стадион, и ты решаешь его теперь, постоянно: может, и не началась, может, и не*

все пропало, может, и стихи; а вокруг музыка гремит:

Кефир! кефир!

Лумини –

на саржа, на шелк, на конопля.

ЛЕЙДЕРМАН Работа закончена.

ПАНИТКОВ А на ногах что-то нарисовано. Можно поближе посмотреть?

ЛЕЙДЕРМАН Цветочки.

ПАНИТКОВ Я сначала подумал, ты носками поранил себе ноги и зеленкой прижег.

ЛЕЙДЕРМАН Синькой.

ПАНИТКОВ Да, а потом смотрю – синие цветы, не болячки.

ЛЕЙДЕРМАН Это стигматы украинские. Васыльки проступают.

ПАНИТКОВ Ты разрядил обстановку.

МОНАСТЫРСКИЙ Точная работа, цельная.

ПАНИТКОВ Интересно, потому что там новословы все время какие-то...

ЛЕЙДЕРМАН Самый главный момент – вы, сидящие здесь, а мое чтение в соседней комнате.

МОНАСТЫРСКИЙ Отличная работа получилась.

ПАНИТКОВ Как тебя корни твои украинские донимают. И флаг украинский?

ЛЕЙДЕРМАН Естественно.

ПАНИТКОВ Интересно, ты уехал в Европу, ты гражданин мира.

ЛЕЙДЕРМАН Правильно. Так Украина же Европа.

ПАНИТКОВ И как тебя потянула. И прямо сразу – Одесса. Новословы очень интересны.

МОНАСТЫРСКИЙ Но ты же неспециально к этой работе текст написал.

ЛЕЙДЕРМАН Нет. Но это сокращенный вариант, который сделан специально к этой работе, где новословы и раздрыванность усилены, так что непонятно, как к нему относиться. То ли дурка, то ли модернистский текст.

ПАНИТКОВ Да, модернистский жест.

МОНАСТЫРСКИЙ А где ты купил украинский флаг?

ЛЕЙДЕРМАН В Германии.

МОНАСТЫРСКИЙ А когда ты сделал акрил на ногах?

ЛЕЙДЕРМАН Два часа назад.

МОНАСТЫРСКИЙ Кисточкой?

ЛЕЙДЕРМАН Фломастером.

МОНАСТЫРСКИЙ А как же ты сзади делал? Это же сложно!

ПАНИТКОВ Надо, чтобы закрепить, пойти в салон и попросить, чтобы тебе сделали такую татуировку по рисунку.

ЛЕЙДЕРМАН А флаг украинский к руке прибить и так ходить.

Панитков Видишь, какова сила искусства, какое эмоциональное воздействие. Я даже возбудился.

Монастырский Мощная работа у Юры.

Панитков И главное – в ней сила, наличие энергии.

Захаров То есть мы начали с того, что у стариков нет сил, и вас прельстило наличие силы. Мы вернулись к простому, известному выводу – нужна сила, чтобы работа была принята “стариками” от культуры.

Монастырский Да, и он это доказал.

Лейдерман Это отчасти и было целью... Потому что и “тексты”, и “работы” – все это очень замылено сейчас. Собственно говоря, как можно прочитать текст, чтобы тебя слушали? Или акцентированно не слушали?

В прошлый раз я тоже зачитывал текст, но Андрей, например, там заметил только фразу про одного Мироненко, который продает другого в Египет.

Монастырский Ты читал этот текст как поэму. Это поэтический текст.

Ты читал форсированным голосом. И ты сделал правильно, что мы тут, а ты там читаешь. И все сработало. И потом это модернизм.

Захаров Прошлый раз мы говорили, что Юра отошел от своих принципов гораздо дальше, чем мы, что он в этом смысле оказался из всех самым продвинутым. И вдруг он вернулся опять в себя, его как захлопнуло. Все это – и флаг, и трусы, и чтение – я вижу уже наверно на протяжении года. Более того, когда мы встретились, я спросил у Юры, не украинский ли флаг он везет.

Лейдерман Ты видел меня с флагом, когда я ходил болеть за сборную Украины во время чемпионата мира, но это не было никаким художественным жестом. В другой раз, гуляя в окрестностях Бонна, мы наткнулись на Украинское посольство, но это опять-таки была случайность, ко мне не имеющая отношения. Вот только недавно я сделал работу с украинским флагом, которую ты как раз и не видел. Она совсем другая, я упоминаю ее в только что зачитанном тексте. Украинский флаг, и на нем – портреты парламентских деятелей. Как раз флаг мне кажется интересным, потому что в 70-80-е годы никто бы такую работу не сделал. Тут тупость какая-то. И это же не экзотика, как, например, если взять флаг Уганды...

Захаров Но был советский флаг. Это называлось соцартом. У тебя сегодня вдруг появился “украинский постсоцарт”.

Лейдерман В соцарте была ирония. А здесь какие-то поэтические заклинания.

Монастырский Ты задал некую форму комментария.

Лейдерман Мне кажется, что это не имеет никакого отношения к соцарту, где бегал человек в трусах, в маске Брежнева, размахивая красным флагом. Здесь нечто другое – странствия в степи, а не всем известный анекдот.

Захаров Мне кажется, ирония здесь рафинированная и тем самым более жесткая.

Панитков Неочевидная ирония. Это артистический жест – многодельный, многотрудный и связанный, очевидно, с какими-то контекстами, событиями, происходящими с Украиной. И с какими-то подсознательными реминисценциями возвращения к корням. Хорошая работа. Мне понравилась. Эта вещь вполне актуализированная, не в смысле трансцендентности и метафизики человеческой, а как артистический жест. Новых пространств не разверзлось, а вещь хорошая.

Монастырский Цветочки тут странные.

Захаров На самом деле, это самый важный элемент, который сбивает. Я очень не хочу проводить параллель с соцартом, но декламация и флаг... Там была ирония и политическая подоплека, а здесь серьезность, поэзия и, опять-таки, игра с актуальной политической ситуацией между Россией и Украиной сегодня.

Лейдерман Нет, не “игра”, а “заклинание”. Но ты можешь воспринимать это и как политическое искусство. Как если бы я сейчас оделся в тибетский костюм и, махая флагом, начал кричать: “Бойкот Пекинской Олимпиаде!”

Монастырский У Юры правильно все организовано, как цельное произведение искусства. У нас с Вадиком неорганизованные вещи оказались.

Захаров Ты высказал как раз то, что Юре и не нравится. Он полчаса тому назад говорил, что у нас произведения искусства, а надо делать другое.

А сам сделал абсолютное произведение искусства. Четкое, ясное, стопроцентное. Там нет никаких плавающих моментов.

Лейдерман Я и не претендую, я только пытаюсь подойти к тому, чтобы получились “не работы”, это очень тяжело.

Захаров Ты противоречишь сам себе.

Лейдерман Когда я высказывал тебе свои претензии, и у меня в голове мелькнула мысль: “А что же мои собственные работы?” Но я пытаюсь раскачать ситуацию. Мне интересно, как может существовать такой текст сейчас. Мы все уже слышали миллион разнообразных текстов, чтений – в квартирах, мастерских, на кухнях. Может ли это происходить сейчас и все-таки быть услышанным?

Монастырский У тебя очень хитрый ход. Ты ушел в пустую комнату и оттуда форсированным голосом и в таком виде, с украинским флагом, это продекламировал. Ты заставил всех слушать этот текст.

Лейдерман Это была цель.

Монастырский Это удалось.

Лейдерман Вадик полностью убрал текст из своей работы. Там два визуальных ряда, между которыми ничего нет. Андрей сначала дал абсолют-

ную, нулевую степень текста, чистую эмфатику. Потом пошли промежуточные варианты – мы сидели на кухне, слушали уже очень характерный для Андрея тип текста, смотрели на холодильник.

Монастырский То, что я показывал, это жизнь. Текущая, ежедневная, усталая жизнь пожилого человека.

Захаров А как же – “ложки едут по дорожке”?

Монастырский Бывают и у стариков маленькие радости. Юра сделал работу, как настоящий поэт, художник. Он показал именно не жизнь, а искусство. А я – жизнь жалкого существа.

Захаров Мне все понравилось, но это как раз является минусом Юриной работы. Все было сделано правильно и четко, но последовательность наших встреч вела совершенно к другому. Мы начали отказываться от наших собственных претензий, от наших общих установок, а Юра резко вернулся в свою установку. И это меня удивило.

Лейдерман Ты, мне кажется, немножко зациклен на “отказе от своих установок”. Это же не самоцель, кому нужен такой мазохизм?! Важно не вообще от своих установок отказываться, но от тех, которые нам навязаны извне, а мы их уже воспринимаем как свои собственные.

Захаров Не совсем так. Идея основная – делание работ как метод, который сможет вывести на территорию, нам самим малоизвестную.

Монастырский А работа с ложками для меня ведь абсолютно несвойственная работа. Я же никогда не делал такие фольклорные вещи.

Захаров Там есть единственное новое для тебя – странная эволюция заклепок. В этом смысле она очень неожиданная. Золотые заклепки превратились в деревянные русские ложки на холодильнике. Моя задача, когда я делал свою фигню, была в том, чтобы вообще выйти из контекста нашего обсуждения и полностью уйти от своей позиции, какой бы то ни было.

Мне это было важно. Я сделал работу не сильную, стилистически не...

Монастырский Вот об этом я как раз хотел сказать. Мы имеем дело с двумя вещами. Они “не бьются” между собой стилистически вообще.

Лейдерман Но вместо своей собственной позиции ты, Вадик, просто попадаешь в общую позицию “современного искусства”.

Монастырский Если бы ты наклеил эту штучку на золотую или хотя бы просто белую бумажку, они бы уже как-то “бились”. А ты просто взял и положил.

Захаров Но я дал несколько вариантов прочтения работы. Она абсолютно свободная, во всяком случае, здесь снят один из важных для нас акцентов – на делание “хорошей профессиональной” работы. Здесь нет никакого позыва к искусству.

Лейдерман Есть, потому что здесь присутствуют уже классические хо-

ды: а) редимейд, б) перформанс с высаживанием чего-то и откладыванием во времени.

ЗАХАРОВ В таком случае только рассказ о том, что я собираюсь сделать, был бы более правильным. Но это был бы классический пример классического концептуализма.

МОНАСТЫРСКИЙ Будет огорчительно, если эта работа сохранится в описательной форме на бумаге. Это еще более ослабит ее. Важен момент слабости, а не силы.

ЗАХАРОВ Юра сегодня показал мускулы, силу, и это прозвучало неожиданно в нашей интимной обстановке, где каждый сдерживает свой внутренний потенциал, старается действовать, не применяя своих приемов.

ЛЕЙДЕРМАН Мне казалось, что как раз из-за украинского флага не понятно, то ли это мышцы, то ли слабость. Слабость же не самоцель. Ты хочешь сыграть не свою мелодию, но вместо этого играешь другую мелодию, тоже уже известную.

ЗАХАРОВ Я пытаюсь сыграть неизвестную мелодию. Если бы все шло по моему плану и я сделал свою акцию, то она оказалась бы в “ореоле силы”. Я же, легко отказавшись от первоначального плана, переместил работу в плоскость слабости, неуверенности, недоконченности, что по сути ближе сегодня к тому, что мы ищем.

ПАНИТКОВ Тут три пятерки, один джокер. Или это валет? Если это каре, то это одна история, если джокер – другая.

ЗАХАРОВ В любом случае это покер, потому что Арсений играет в покер.

ПАНИТКОВ Но в покере скрывают пять карт.

ЗАХАРОВ Значит, есть момент какой-то недосказанности.

ПАНИТКОВ Да, он должен вытянуть еще одну карту. Он сбрасывает во время игры карту и может вытянуть пятерку, а может и не вытянуть.

ЗАХАРОВ Все объединено фильмом, который мы посмотрели. И русский криминал – рука с картами, и ложки, и карта у Андрея, и чтение. Кажется, в фильме были ребята с Украины.

ПАНИТКОВ Мне кажется, обобщать тут странно. Андрей взял русский мотив. А тут украинское.

ЗАХАРОВ А у меня Амстердам – еще один мотив. Хотя я покупал морковные семена с названием “Амстердам” не из-за связи с психоделикой.

ПАНИТКОВ Дай-ка пакетик с семенами. “Полезное лакомство для детей”.

ЗАХАРОВ Там между прочим написано, что месяц апрель – начало посадки. Это важный момент – реальность коннотирует с нашим бредом.

ПАНИТКОВ Я уверен, что она вырастет. Хиленькая, но вырастет. Если песчаная почва, вырастет. “Ранний сорт. 80 дней. Цилиндрическая гладкая поверхность. Мякоть сладкая.”

Монастырский А что значит 200 процентов?

Панитков Вдвое больше за те же деньги.

Монастырский Кстати, фильм “бьется” с Юриным выступлением.

Длительность такая же, напор.

Лейдерман Да я, собственно, и воюю с этими бесами: “А Украина моя в степи, парламент украинский вам всем покажет!”

Монастырский Страшно!

Панитков Есть тенденция к упрощению, к народности, к моркови, к ложкам. Из интеллектуализма. Самая гениальная, я считаю, работа про бандитов, потому что чем тупее, тем лучше.

Монастырский А у Вадика же на первой встрече была работа “Вперед! Тупые деды морозы!”

Панитков Есть подсознательная тяга, мне кажется, не в игры играть, потому что сейчас много всего такого, а противопоставить этому всему народную тупость.

Захаров Третья встреча оказалась силовой. Что-то начало зашкаливать, бурлить у каждого из нас. Андрей проявил сегодня силу, заставив нас смотреть идиотский сериал. И это для меня является единственным объяснением, почему Андрей включил этот просмотр в статус своей работы.

Я проявил силу, отказавшись от нее, что очень не свойственно для меня. Юра продемонстрировал силу в предельной форме. Мне кажется, что правильно двигаемся, не застревая ни на чем. Ситуация начинает расшатываться изнутри. В прошлый раз мы пришли к выводу в связи с Юриной работой, что должны сделать гравировку по неизвестному. Мы в нашей третьей встрече приблизились к тому, что наметили?

Лейдерман По драгоценному, по беспредельному. Мне кажется, что мы, скорее, вращаемся вокруг ситуации, обозначая ее. И понимаем, что “не...”. Но в том, что мы делаем, нет поэтической утвердительности, сияющего “ДА”.